

С. И. Дудник, Е. Г. Соколов

ЭПОХА «ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ». В ПАМЯТЬ ПРОФЕССОРА Ю. Н. СОЛОНИНА (1941–2014)

8 июня сего года не стало Юрия Никифоровича Солонина...

Нет нужды вновь вспоминать здесь знаменательные вехи его жизненного пути. Об этом и сказано, и написано. Монотонное и кропотливое исчисление научных заслуг, государственных свершений, достижений на разных поприщах — всего того, что принято упоминать в надгробных речах и некрологах, призванных удостоверить значимость ушедшего, — это из другой ситуации, аранжированной пафосными и патетическими словами, соответствующими дежурной и, вероятно, правильной риторике момента. Они, эти слова, в данном случае не нужны: величие — слишком очевидно, глубина нашей скорби — безмерна, утрата — невосполнима. Едва ли кто в этом сомневается или будет сомневаться. Тому порукой — его

инициативы, что оказались такими уместными, такими своевременными, а потому и были с горячностью поддержаны: они продолжают жить и развиваться, распространяясь на новые территории и рекрутируя добровольцев. Идеи, работы, задумки, планы (как реализованные, так и, увы, не осуществленные) этого замечательного ученого еще будут обсуждать, анализировать, подвергать научно-исследовательской экспертизе. Тогда мы в полной мере сможем представить себе масштаб. Сейчас же — первое впечатление, взгляд «по свежим следам» и «на скорую руку», впопыхах, еще не отойдя полностью от оторопи, которую, уверенны, испытал каждый, узнав о случившемся. Человек есть, он — в пределах твоего обихода, он яркой интонацией входит в симфонию твоей повседневности, формируя ее и влияя на нее — до оценки ли! До взгляда ли на «цельное» и «единое» (читай — свершившееся, а потому и неживое, от тебя отделенное и отстраненное, объективное)! До попыток ли осмыслить, спокойно и уравновешенно взглянуть со стороны! — и вдруг... Такое «вдруг» случается постоянно, но привыкнуть к нему невозможно всё равно. И время не лечит — только дает возможность такого вот стороннего взгляда.

Юрий Никифорович не принадлежал исключительно и целиком философскому факультету Ленинградского-Петербургского университета. Его жизнь протекала — и не только в последние десятилетия — в разных смысловых и деятельностных регионах. Справедливо, что и иные люди, учреждения, организации, институции, сообщества считают и будут считать его своим, предъявлять на него права, полагать «коренным» и «плоть от плоти», образцово-классическим выразителем собственных чаяний и упований, своим ярким и запоминающимся представителем, неким громогласным рупором. И всё же можно смело сказать, что именно философский факультет — без всяких притязаний с обеих сторон на приоритетность прав — был его очень внутренней, очень трепетной и неизменной на протяжении почти всей жизни «зоной», если и не отрадой и не внеочередным-первостепенным местом сосредоточения усилий и концентрации внимания, то, во всяком случае, — неизменностью, той стволовой частью сущности, что составляет неотторжимый фундамент витальности. В 1961 г. в возрасте 20 лет он пришел на факультет — в 2014 г. в возрасте 73 ушел. Пятьдесят три года! Даже тогда, когда он «кадрово укреплял» в течение 9 лет факультет журналистики, связи его с философским факультетом не прерывались: он продолжал читать лекции, вести семинарские занятия, участвовать в научной и общественной жизни. Избрание Юрия Никифоровича деканом в 1989 г. стало не возвращением, но естественным продолжением его жизненной траектории, начавшейся здесь же многими годами ранее. Потому и было оно воспринято всеми с энтузиазмом, и, как показало будущее, не напрасно.

Юрий Никифорович был великим строителем, созидателем, деятелем. В не очень долгой (1939–2013) истории философского факультета, не бедного на талантливых людей и глубоких мыслителей, он стал одной из самых ярких фигур. Можно сказать и больше: при нем и благодаря ему факультет достиг кульминационной точки своего развития. И это при том, что время-то было совсем не простое — и для страны, и для университета, и в особенности для факультета. Когда рухнула марксистско-ленинско-коммунистическая база, на которую с момента открытия и до конца советского периода факультет так или иначе опирался, ибо входил в арсенал и фронт идеологических «боевых единиц» (что в разные периоды по разному сказывалось на атмосфере и климате, неизменным оставалось лишь внимание и особая опека со стороны власти), факультет оказался брошен на произвол судьбы и был вынужден выживать — в прямом смысле этого слова — самостоятельно. Репутация его — что греха таить! — и в университете, да и в стране в целом была не самая безупречная. От всего марксистского избавлялись рьяно, бездумно, стараясь поскорее откреститься и забыть. Официальная же, государственно ангажированная философия как раз и воспринималась проводником идеологических директив, в одночасье ставших неблагонадежными. При смене государственных ориентиров убытки неизбежны. Нет, гонений не случилось. Публичных бичеваний и развенчаний тоже. Но мнение, что-де здесь, на философском факультете, окопались и продолжают действовать «недобитые/перекрасившиеся по моде дня марксисты-ленинисты» было стойким (оно и поныне до конца не изжито). Это сейчас, по прошествии двух с лишним десятилетий, когда пыл тех «ниспровергательных» лет поостыл, мы можем более или менее умиротворенно вглядываться в прошедшую эпоху и даже признавать, что не всё было так ужасно, да и философия, даже университетско-профессорско-академическая, обладала и честью, и достоинством, немало трудилась и немало

достигла — стыдиться нечего. Ну марксист. Ну ленинист. Ну материалист. Да хоть диалектический. Ничего постыдного или и пугающего в том нет. Но в 90-х годах прошлого века общая атмосфера была не столь умиротворенно-равнодушной. Пришлось не то чтобы перестраиваться, переодеваться в иные кафтаны, «подкладываться» под новых фаворитов (что также имело место, хоть и не в массовом характере), но, во всяком случае, прислушаться к гулу времени, оглядеться, примериться к иным обстоятельствам. Юрий Никифорович прекрасно это осознавал и действовал энергично и даже страстно. При нем на факультете произошли радикальные реформы, каких ранее не случалось. (Подобные — по масштабу и кардинальности — реформы, скорее всего, происходят и сейчас — по другому поводу, в иных социальных обстоятельствах.) Это касалось в первую очередь самого предметного поля: философия в очередной раз самоопределялась. Марксистская интонация не была изгнана из философического ведомства полностью и окончательно (хотя в других коридорах это имело место), но естественно и логично влилась в многоголосье разнообразных сюжетов, тем, ладов и направлений. Полифония мнений и познавательно-исследовательских установок, уже ставшая для нас привычной, именно при Юрии Никифоровиче и устанавливалась, и поддерживалась. Без преувеличения: на это была сделана ставка.

Сколько всего он пооткрывал, поучреждал, понововводил! Юрий Никифорович буквально заново выстраивал весь факультет, творя дотоле невиданную и невообразимую конфигурацию и образовательных, и служебно-административных направлений. Прежде отделений было только два: философия и научный коммунизм (в рамках которого вызревала социология). А сейчас? Политология, конфликтология, религиоведение, культурология, прикладная этика, музейное дело... А есть ведь еще и «подразделы», среди которых самый успешный во всех смыслах — Восток. Языки, кафедры, студенты, ученые... Учреждать, открывать в условиях сначала разваливающейся на части страны, а потом сумасшедшей конкуренции было ой как непросто. Кроме чутья, каковым Юрий Никифорович обладал в избытке, для этого нужны были воля, упорство, наконец, служебно-административная «мобильность», необходимая для «продавливания» всякой новой идеи, доведения ее до стадии реализации. И конечно же — в положительном смысле слова — авантюризм, когда безумие и откровение не растворяются и не исчезают без остатка в пустых и бесплодных мечтаниях. За время деканства Ю. Н. Солонина были открыты кафедры политологии, социальной философии, истории русской философии, истории и философии религии, философии науки и техники, онтологии и теории познания, философской антропологии, философии культуры и культурологии, политических институтов и прикладных политических исследований, социально-политических реформ России, философии и культурологи Востока, еврейской культуры, музейного дела и охраны памятников. Некоторые из них выступили преемниками «отмененных историй» кафедр атеизма, диамата, истмата, истории марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, другие — и их подавляющее большинство — создавались, по сути дела, на пустом месте, без длительной предыстории. Открытие кафедр — не формальный жест: оно всегда сопряжено с необходимостью поработать, освоить, внедрить и стимулировать новые направления научного знания, в конце концов — заявить о себе. В этом процессе есть как административно-служебный аспект — люди, контакты, помещения, студенты, образовательные програм-

мы, соответствующая литература и оборудование (напомним, в начале 1990-х годов началась тотальная всероссийская компьютеризация-интернетизация), — так и содержательно-смысловой. Они, разумеется, неразделимы, но каждый требует применения своих специфических рабочих инструментов и механизмов. Удивительно, как Юрию Никифоровичу удавалось решать — причем успешно — столько задач разом.

Факультет разрастался, расширялся, обрастал новыми подразделениями, службами, ведомствами. Всё начиналось с одного коридора на третьем этаже, сегодня же факультет располагается уже на трех этажах. С каждым годом увеличилось количество принимаемых студентов. Была введена внебюджетная форма обучения. И всё это нужно было обустроить, организовать, срежиссировать, всеми и всем продирижировать. Юрий Никифорович был, безусловно, гениальным администратором. Как при нем преобразился — во всех смыслах — факультет! И это при практически полном отсутствии бюджетных средств. Были ведь лихие годы, когда деньги выделялись только на зарплату преподавателям и сотрудникам. А хозяйство-то, причем немалое, нужно было поддерживать в рабочем состоянии! А стены-то разрушались, потолок обваливался, батареи лопались. Всех бед и не перечислить. Даже если бы только в этом состояла миссия двухдесятилетнего деканства Ю. Н. Солонина (провести сквозь горнило исторических передряг вверенное ему, расчистить пространство для грядущего светлого), сделанного было бы достаточно, чтобы факультет молился на него и числил своим несравненным радетелем. Вещи и проблемы, казалось бы, банальные, сугубо хозяйственные — да ведь нет без них ни складности, ни ладности, ни «картинки». «Рай в шалаше», «хоть и бедные, но гордые и мудрые» — всё это утешения из других времен, быть может, в зеркале памяти и мило-симпатичных, но давно ушедших; по нынешним же временам выставляемая напоказ скудость — тщеславие, гордыня и порок. Однако....

Ну вымоем пол, на каждом углу установим по общедоступному компьютеру, заведем десятки новых служб и кабинетов со звучными вывесками — а дальше-то что? Тому, что этим — окраской фасада и внешним украшательством — вполне можно и ограничиться, есть немало примеров. И надо отдать должное Юрию Никифоровичу: сознавая всю важность успешного разрешения административно-хозяйственных вопросов, он всегда, даже в самые убогие и нищенские лихолетья, помнил о главном, о том самом, что искупает и оправдывает, одаривает высшим смыслом бурную деятельность по «налаживанию процесса бесперебойного и ритмичного функционирования», — о научной и учебной составляющей.

Открытие новых кафедр, направлений, служб, ведомств и подведомств, даже и сама административно-хозяйственная сторона дела — это прежде всего конкретные люди, с их нравами, талантами, привычками и каждодневными заботами. И Юрий Никифорович умел разглядеть человека, который будет максимально эффективен на том или ином месте. За время его деканства на факультет пришло работать множество новых людей, разных по профессиональной ориентации, социальному статусу, складу мысли, популярности, жизненным и служебным устремлениям. Но дух, интонация, традиции философского факультета, заложенные и развитые его предшественниками, не испарились, не потонули в этом многоголосии. Камертоном служило уже существующее. Никаких «вымываний» или «забвений» не произошло. Думается, что это можно считать если не самой главной, то, во всяком случае, одной из главных заслуг Юрия Никифоровича. Почти все сотрудники остались на факуль-

тете, никто не был изгнан, уволен, подвергнут той или иной обструкции за «прошлые взгляды» и «былые пристрастия». В разном качестве, на разных ролях — подчас более выигрышных и успешных (сколько людей, находившихся прежде в тени, при Ю. Н. Солонине расцвело, похорошело, заблестало в новых ампулах!) — но остались. Самый яркий тому пример — политологи (ныне организовавшие свой отдельный факультет), которые прежде ютились, подчас робко и «с извинениями», в научном коммунизме. Оказалось, что потенциал этих людей («недобитых/перекрасившихся марксистов-ленинистов») практически безграничен: интеллектуальный и профессиональный опыт, накопленный в весьма ограниченном пространстве, определявшемся «идеологической корректностью» и «преданностью идеям коммунизма», позволяет осваивать новые горизонты мысли и дела.

Среди множества замечательных начинаний Юрия Никифоровича упомянем лишь о двух, сыгравших важнейшую роль, ибо они вывели факультет за пределы университета, несказанно повысив его, факультета, общероссийский рейтинг. Как известно, кроме учебной составляющей, огромное значение имеет научная сторона деятельности учебного заведения. Последняя включает множество аспектов, среди которых один из важнейших — организация и проведение научных мероприятий разного уровня. Семинары, конференции, круглые столы, открытые мастер-классы, публичные лекции, школы, исследовательские центры, регулярные профессиональные периодические издания, в изобилии процветающие сегодня на факультете, были до Ю. Н. Солонина редкостью. Охватившее большую часть истории факультета советское время было не столь богато на разные «публичные мероприятия», да и стилистические нормативы научной жизни существенно отличались от нынешних. Можно по-разному относиться к утвердившемуся сегодня «научному туризму», однако нельзя не признать, что непосредственные контакты с коллегами, проживающими в иных «весях» и странах, являются естественной потребностью жизни любого профессионального сообщества.

В июне 1997 г. в университете прошел Первый Российский философский конгресс «Человек — Философия — Гуманизм». Форумов подобного масштаба и размаха отечественная философия прежде не знала. Была ли это придумка Юрия Никифоровича, или идея, что называется, носилась в воздухе — не имеет значения. Важно, что именно он выступил инициатором, вдохновил, подвиг, буквально зажег огромное количество людей. Это была безумная идея. На пустом месте, в отсутствие какого-либо финансирования, без какой-либо существенной поддержки со стороны «генералов» (и от философии, и от власти), опираясь только на энтузиазм и подвижническое бескорыстие, рискуя всероссийски оконфузиться, конгресс сумели организовать и провести менее чем за полгода. В январе — еще только разговоры, в июне — полторы тысячи участников уже расхаживали по факультету и университету. Это удивительно: всё «срослось», никаких мало-мальски существенных сбоев, четкая организация. На конгресс работал весь факультет, но никаких срывов в учебном процессе не произошло. Это был успех — и самого Ю. Н. Солонина, и факультета, и университета, и философии. Вероятно, именно с этого времени к факультету — уже не робко-насмешливо и не эпизодически — стали приглядываться со стороны прессы и со стороны общества. Конечно, во многом это была бравада, в какой-то степени показуха, размашистая и кичливая, но факультет, что называется, о себе «заявил» в общегосударственном масштабе. Идея прижилась и оказалась чрезвы-

чайно востребованной. Раз в два года профессионалы-философы и все, кто имеет интерес к философии, собираются в том или ином городе России.

И другое начинание, хоть и более скромное, но для жизни факультета не менее знаменательное, ибо не разовое, но регулярное, из года в год повторяющееся: с 2007 г. в 20-х числах ноября стали проводиться Дни Петербургской философии (ДПФ; ныне — Дни философии в Петербурге). Они также с самого начала обрели признание и статус всероссийского смотра философических и околофилософических достижений. ДПФ, как и Философские конгрессы, — это целый комплекс разнообразных (по формату, статусу, форме проведения, количеству участников, проблемам и тематике) мероприятий, проходящих в течение недели на разных площадках Санкт-Петербурга, но всегда под эгидой и юрисдикцией философского факультета (а формально — Санкт-Петербургского философского общества). В иные годы число таких мероприятий достигало 60–70. Отрадно, что не только факультет, но и различные другие учреждения и организации имеют возможность проводить в рамках ДПФ свои встречи.

А еще была премия «Вторая навигация»! А еще был форум «Гражданское общество». Открытие памятного знака на набережной, от которой отчалил «философский пароход». Да чего только не было — всего не перечесать.

Ухабы? — Они тоже, разумеется, были. Но о горечах жизни — коих никто миновать не может — вспоминать сегодня не хочется. Непростым и для факультета, и для самого Юрия Никифоровича был его 10-летний «поход во власть». Оценить в полной мере его московские успехи, необходимость, целесообразность его выбора — не можем. С одной стороны, вполне закономерно, что в какой-то момент «философское королевство» стало ему маловато. С другой стороны... Люди, хорошо знавшие Юрия Никифоровича, имевшие возможность подолгу говорить с ним, слышать его выступления (даже и чисто по административной нужде), знакомиться с его текстами, обязательно скажут: в нем была искра Божья. Так вот: свой интеллектуальный, идейный потенциал он до конца не использовал, хотя создал-написал немало, вполне достаточно, чтобы войти в число признанных отечественных мыслителей. Это-то и обидно, ибо чаще случается как раз наоборот. К своим собственным текстам, идеям, выступлениям, статьям Ю. Н. Солонин относился удивительно безалаберно. Он не вел точного списка своих публикаций, редко вспоминал о своих «достижениях» и «регалиях» — наградах (полагая, что более достойного титула, чем профессор университета, не может быть в принципе), никогда не мог с определенностью сказать, участником каких знаковых и рейтинговых мероприятий-комиссий-редколлегий-комитетов-советов и пр. он является. Равнодушие его ко всяким ныне чрезвычайно расплодившимся индексам, рейтингам и тому подобным наукометрическим показателям, по которым и определяют твою значимость в профессии и жизни (почти всегда — сам и определяешь), было безмерно. И не из-за ложной скромности — просто он прекрасно понимал (как и подавляющее большинство тех, кто в подобные «игрушки» с вдохновением играет), что это всё неважно. Не так делается имя человека, не очередным индексом определяется вес в профессии, известность, и не работой над повышением подобных показателей добывается уважение коллег. И уж тем более — не так вписываются в историю.

Вместе с Юрием Никифоровичем ушла целая эпоха — эпоха «философский факультет». Сейчас оно, то время, может показаться немного несуразным, иногда

суматошным, почти всегда безумно-щедрым, не шибко рациональным и совсем не строго-выверенным «по букве и закону». Эта эпоха завершилась на высокой ноте. С февраля 2014 года вступил в свои права Институт философии. Несомненно, он вберет в себя многое из того, чем был богат философский факультет. Опять настали времена радикальных перемен. Будет, скорее всего, не так весело, не так шумно, более серьезно и сосредоточенно. Но это — уже другая эпоха, которую оценят те, кто в ней будут жить.

Контактная информация

Дудник Сергей Иванович — доктор философских наук, профессор, директор Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; s.i.dudnik@mail.ru

Соколов Евгений Георгиевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; egslov@gmail.com